

DOI 10.31483/r-105668

Кугай Александр Иванович

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА: ПОЗИЦИИ ВИДЕНИЯ

Аннотация: *достоинство – это то, чего хотят практически все люди. Это оригинальное выражение человеческого опыта, которое завоевывает авторитет благодаря конвергентным требованиям людей во всем мире. Тем не менее, концепция человеческого достоинства находится в бесполезном беспорядке. Достоинство по-разному рассматривается как antecedent, следствие, ценность, принцип и опыт с философской, правовой, прагматической, психологической, поведенческой и культурной точек зрения. Какая из этих концепций человеческого достоинства более соответствует глобальным, общим интересам как в качестве точки соприкосновения, так и в качестве диагностики политики, педагогической практики? В фокусе авторского внимания четыре широкие темы: достоинство как 1) метафизическое обоснование прав и обязанностей человека, 2) добродетельное поведение, 3) перспективы «другого» и 4) субъективный опыт индивидуума. Рекомендуется рассматривать достоинство как совокупность индивидуально оцененного благополучия, сформированного отношениями с другими, подверженными влиянию физического мира и оформленному с точки зрения ценностей. С этой точки зрения идея достоинства соответствует приоритетам как индивидуалистической, так и коммунистической культур.*

Ключевые слова: *человеческое достоинство, права человека, содружество человеческого достоинства, ценности, Лассуэлл.*

Abstract: *dignity is something that virtually all people want. It is the original expression of the human experience, gaining credibility through the convergent demands of people around the world. Nevertheless, the concept of human dignity is in unhelpful disarray. Dignity is variously viewed as an antecedent, consequence, value, principle, and experience from philosophical, legal, pragmatic, psychological, behavioral, and*

cultural perspectives. Which of these conceptions of human dignity is more relevant to global, common interests, both as a point of convergence and as a diagnostic of policy, pedagogical practice? The author's focus is on four broad themes: dignity as 1) a metaphysical grounding of human rights and responsibilities, 2) virtuous behavior, 3) perspectives of the «other», and 4) the subjective experience of the individual. It is recommended that dignity be viewed as a set of individually valued well-being, shaped by relationships with others, influenced by the physical world, and framed in terms of values. From this perspective, the idea of dignity corresponds to the priorities of both individualistic and communitarian cultures.

Keywords: *human dignity, human rights, commonwealth of human dignity, values, Lasswell.*

Введение

Исторически достоинство было основополагающей идеей Библии, Корана и философских трудов Цицерона, Пуфендорфа, Локка и Канта. Самый авторитетный призыв к утверждению человеческого достоинства представлен во Всеобщей декларации прав человека. (1948 г.)

Методологией размышления о концептуальных основах человеческого достоинства и формах его практического воплощения выступает принцип достаточности. А. Каплан и Е. Шилс [12] красноречиво сформулировали подводные камни идеологии, опирающейся на стремлении точно определять понятия, достигая закрытия определений. Идеологическая жесткость нечувствительна к контексту и безразлична к уникальным обстоятельствам и ситуациям, в которые попадают люди. Тем не менее необходима некоторая степень разделяемого интрасубъективного понимания мира и его ключевых символов для реальной ориентации политиков, экспертов, педагогов. Необходим поиск баланса между этими двумя соображениями в предварительном понимании человеческого достоинства.

Цель статьи представить понимание феномена человеческого достоинства, способствующее коллективной ориентации в деле его повышения, позволяющее

лицам, которые пострадали, указать какие формы достоинство будет принимать в конкретных контекстах.

Проблема человеческого достоинства

Человеческое достоинство подходит как можно ближе к тому, чтобы быть универсальным благом. По логике людям необходимы точки соприкосновения в понимании ключевых основ человеческого со-бытия, в ряду которых особое место занимает человеческое достоинство. Призывы, которые просто вызывают эмоции, могут мотивировать и привлечь внимание к проблемам, но дают людям достаточной ориентации для согласования широко поддерживаемой и эффективной политики.

Очевидно, понятие человеческого достоинства находится в таком беспорядке, что не дает даже минимально стабильного фрейма для глобального дискурса и действия [5]. Много в этой идее остается неявным или даже противоречивым, служит различным, а иногда и противоречивым целям [16]. Разные люди по-разному рассматривают достоинство как предпосылку, следствие, ценность, принцип, опыт, причем как случайное, так и конструированное явление. Оно рассматривается с философской, правовой, прагматической, психологической, поведенческой, и культурной перспективы.

Сравнение концепций

Мы рассматриваем четыре концепции человеческого достоинства для достижения более широких точек соприкосновения различных субъектов социального процесса (политиков, общественных организаций, ученых, педагогов: 1) метафизическое обоснование прав и обязанностей человека, 2) добродетельное поведение или поведение, 3) социально и психологически укоренившееся представление о «другом», и 4) субъективный опыт. Все эти концепции формируются в весьма изменчивых контекстах двух разных видов культур – индивидуализма и коммунитаризма [13].

Позиция №1. Достоинство как оправдание прав

Многие философы и авторитетные политики утверждали, что люди проникнуты внутренней ценностью или ценностью, считающейся достоинством [1; 4]

Более того, человеческое достоинство – наша внутренняя ценность – вытекает из особенности людей. Соответственно, сформированная, таким образом, особенность людей становится центром внимания. Какова природа нашей уникальности и откуда она берется? Философы долго пытались ответить на этот вопрос и, по крайней мере на Западе, сошлись на общем ответе. Те, кто следовали линии Цицерона, Гоббса, Локка и Канта связывали нашу особенность с способностью к разумному поведению и моральным поступкам и, следовательно, нашей уникальной степенью автономии [10]. Более древняя и все же сохранившаяся иудео-христианская традиция утверждает, что наша особенность возникает из-за того, что мы созданы по образу Бога [10]. Достоинство вытекает из божественного замысла. Наша автономия и связанная с ней эта точка зрения утверждает, что способность к выбору и нравственность исключительно предоставлены нам Богом, тем, что мы созданы по образу и подобию Бога.

Философы и социологи приняли две основные точки зрения на отношение между правами человека и человеческим достоинством, по крайней мере, в западной традиции. В соответствии с одной конструкцией, достоинство оправдывается наделением правами. Просто будучи людьми, мы все внутренне особенные, поэтому – заслуживаем права. Эти права описываются одними как неотъемлемые или безусловные, другими как условные. Для большинства права в первую очередь рассматриваются как притязания отдельных лиц к «государству», а не требования отдельных лиц друг к другу. В негативном плане, считается, что государства имеют уникальную возможность причинять вред людям, попирая достоинство. Согласно другой – позитивной конструкции, соблюдение прав человека – означает утверждение человеческого достоинства [7].

Несмотря на широкое распространение на Западе, эти представления о достоинстве содержат потенциальные недостатки с точки зрения логики, диагностики [19]. Во-первых, хотя западная концепция человеческого достоинства и ее связь с правами человека охвачены культурами, основанными на индивидуализме в Европе, Северной Америке и других местах, люди в коммунитаристских

культурах Азии и ислама не принимают ее широко. В коммунитаристских культурах больше внимания уделяется обязанностям людей, чем их правам, обязанности часто связаны с государством как воплощением коллективного достоинства [22].

Представление о достоинстве как о даре Бога использовалось для оправдания вмешательства государства в частную жизнь под предлогом того, что люди не выполнили своих обязательств как попечителей своего достоинства [10, с. 8]. А, что происходит с теми людьми, которые придерживаются разных божеств или вообще ни одного? Являются ли они также безответственными попечителями, которых нужно подкупить и дисциплинировать?

С другой стороны, если достоинство выводится строго из нашей способности рассуждать, из нравственности и автономии, то как насчет тех людей, которые по своей природе обладают меньшими способностями, таких как младенцы, дети, психически больные, умственно отсталые или даже физически инвалиды [10, с. 9]?

Позиция №2. Достоинство как добродетельное поведение

Достоинство с древних времен отождествлялось с определенным поведением, а также, чаще исторически, с определенными ролями и идентификациями. В соответствии с этой концепцией достоинство зарабатывается или выражается в терминах, которые являются социально и культурно значимыми для других. Такое достоинство тесно отождествляется с добродетелью и добродетельным поведением, что выражается в уважении других [17, с. 203]. Другими словами, достойный человек ни подобострастный, ни показной, ни рабский, ни властный (Махатма Ганди), и в качестве примера был предложен Мартин Лютер Кинг [17, с. 204].

Представление о достоинстве как добродетельном поведении также имеет существенные ограничения. Оно многое говорит о поведении индивидов и мало подробно об состоянии отношений между индивидами. Не отвечает на вопросы: каковы обязанности человека перед государством и государства перед челове-

ком. Разве достоинство касается только человеческого поведения? Другое понимание достоинства предполагают, что физические и психологические лишения очень уместны, как и распределение власти и богатства в обществе, независимо от того, является ли оно прямым или нет, обусловленное достойным или недостойным поведением отдельных лиц. Можно утверждать, что унижения часто возникают в связи с недостойным поведением. Но такого рода натяжка, очевидно, больше связана с защитой концептуальной позиции, чем с стремлением найти полезную и потенциально объединяющую структуру.

Позиция №3. Достоинство как точка зрения других

Эта концепция достоинства тесно связана с групповой динамикой и процессом стереотипизации. Достоинство, или внутренняя ценность, часто проецируется на стереотипную группу «своих». Аутсайдеров обычно считают менее чем полноценными людьми, с меньшими претензиями на достоинство. Это ограниченное группой различие в проявлении достоинства человека часто является основной демонизации и, в конечном счете, – преследования членов чужой группы [11]. Создаваемое отрицание или лишение достоинства других обычно является частью обусловленности, позволяющей солдатам убивать «врага», а палачам дистанцироваться себя от своих жертв [2; 6].

Напротив, инклюзивное наделение достоинства других индивидуумом приравнивается к «широкой моральной вселенной», мотивированной универсализмом, поддерживаемой моральными ресурсами [23]. Универсализм был связан с альтруизмом, как гуманистическим, так и биосферным [21] означающее, что предоставление достоинства другим может сопровождаться не только готовностью пожертвовать собой ради служения другим, но и предоставлением достоинства другим биологическим разновидностям. На практике открытая и великодушная личность, склонная относиться к животным «с достоинством», в большинстве своем является типом личности, склонным даровать полное достоинство всем людям. У такого человека перспектива характеризуется уважением к другим, что, наряду с универсализмом, является ценностью, тесно отождествляется с условиями, необходимыми для реализации человеческого достоинства.

Это понятие достоинства в значительной степени связано с психологически обусловленными перспективами, формирующими и в свою очередь социальной динамикой. То, как каждый из нас придает достоинство другим, влияет на наше повседневное поведение, и, если мы избиратели или политики, она также определяет содержание нашей политики.

Позиция 4. Достоинство как субъективный опыт индивидуума

Мы находим интересным, что, хотя понятие достоинства как субъективного человеческого опыта повсеместно подразумевается, в дискурсе прав и достоинства человека, к нему редко обращаются прямо. На самом деле, субъективный опыт можно было бы считать центральным для достоинства, в том смысле, что каждый человек является окончательным арбитром, как влияющего на других, так и в свою очередь подвергающегося влиянию. При условии, индивидуальный субъективный опыт является ключевым элементом нашей способности к действию и, следовательно, ключевой гранью человеческого [11. с. 260], является парадоксальным навязывать транссубъективное, основанное только на принципе понятие достоинства, которое полностью игнорирует субъективное мнение и опыт людей.

Сама посылка, что философы, исходя из первых принципов, должны построить понятие достоинства, которое предназначено для формирования политики с широко распространенными последствиями для людей, кажется, само по себе игнорирует реальное достоинство [7]. Достоинство – это то, что должно быть реализовано через индивидуальный человеческий опыт автономного выбора в области политического, счастья, благополучия, самоуважения и психологической целостности в области принадлежности к группе или культуры, придерживаясь набора норм, имея доступ к одобрению, уважению и признанию в области социального, доступа к безопасности, пище, крову и физической неприкосновенности [8, с. 145–146]. С этой точки зрения достоинство не принцип, а скорее субъективная интеграция индивидуального опыта многих граней человеческой жизни, и это суждение, выносимое каждым человеком для себя, информированное культурой, социальным взаимодействием и физическим опытом. В

современных условиях, достоинство – в способности человека интегрироваться в современные информационные технологии [3].

Концепция Лассуэлла о личном и общественном достоинстве

Комплексный подход к человеческому достоинству был разработан Гарольдом Д. Лассуэллом и его коллегами, которые предложили способ осмысления достоинства как субъективного опыта отдельного человека, имеющего прямое отношение к поиску точек соприкосновения и оценке политических процессов [14]. Авторы построили свое представление вокруг создания и совместного использования ценностей, которые непосредственно связаны с субъективным переживанием практических ситуаций, связанных с достоинством.

Стоимостное выражение человеческого достоинства

В этом контексте ценности понимаются особым образом, как «вещи», которые люди ищут в мире на функциональном уровне (например, долгосрочные или всеобъемлющие цели). Согласно Лассуэллу, эти ценности можно понимать, как власть, богатство, благополучие, уважение, порядочность, мастерство, просвещение и привязанность. Любовь, уважение, честность и власть были названы ценностями почтения, то есть ценностями, имеющими особое отношение к социальным отношениям или созданию социального пространства, в рамках которого люди могут реализовать свое достоинство. Люди ищут и разделяют эти ценности посредством культурных и институциональных структур, которые формируются их ожиданиями, желаниями и предполагаемыми потребностями. Лассуэлл и МакДугал утверждали, что достоинство возникает из-за того, что люди могут получить доступ к некоторому оптимальному уровню всех этих ценностей и что политические, культурные и другие институциональные механизмы, организованные вокруг распределения власти, в значительной степени определяют этот результат.

Это построение достоинства как субъективного опыта, организованного вокруг ценностей, создает определенные трудности. Если достоинство есть индивидуальный опыт, связанный с приобретением определенных желаемых ценностей, то как достоинство связано с коллективными общностями и политическими

процессами? И что определяет на практике оптимальный уровень реализуемых ценностей, связанных с чувством достоинства человека? Аргументом против истолкования достоинства как субъективного индивидуального опыта является то, что этим стандартом, любое поведение, даже то, которое обычно считается отвратительным, может квалифицироваться как поведение в соответствии с достоинством, в зависимости от точки зрения человека. Отсюда у Лассуэлла становится центральной концепция содружества человеческого достоинства [14]. Созданные как содружество, люди по-прежнему являются основой единицей опыта, но зависящего от других.

Разъясняя понятие содружества, Лассуэлл и МакДугал [14, с. 740] утверждают, что разделение ценностей несет в себе два набора значений, один – «распределительный», другой – «формирующий». Распределение относится к участию в контроле над ценными результатами, описываемыми по степени равенства или неравенства, что соответствует диспозиции власти. Формирующее значение предполагает, что количество данного значения, доступного для совместного использования, может быть увеличено. «Мы за более высокие уровни результата, так как мы обеспокоены размером торта, а также пропорциональный размер ломтиков». В целом, Лассуэлл и МакДугал предположили, что содружество человеческого достоинства достигается, когда: 1) как можно больше людей участвует в принятии решений о том, что общество должно производить с точки зрения, как благосостояния, так и уважения, 2) сообщество успешно производит эти результаты, и 3) люди из этого сообщества широко пользуются преимуществами. Это формула, ориентированная на достижение достоинства, но не само достоинство.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе достоинство может фактически пониматься как совместно созданный феномен, зависящий от совокупного обмена ценностями между всеми членами сообщества, и в наше время сообщества все больше взаимосвязаны. С этой точки зрения не все ценностные ориентации или реализации на индивидуальном уровне согласуются с достижением и поддержанием общественного достоинства. Все индивидуумы, заинтересованы

(возможно, не всегда сознательно) в этом. В этом контексте деспотизм можно понимать, как постоянную концентрацию большинства ценностей в руках немногих за счет многих, как правило, устанавливающихся и увековечивающихся посредством несправедливого распределения власти и богатства. С прагматической точки зрения, оптимальные ценностные ориентации, проявляющиеся в характере и поведении людей, ведут к переживаниям достоинства максимально возможным числом людей [14. с. 725–726]. В этом случае, относительно достоинства, речь идет уже не об изолированном Эго, а скорее об Ego в контексте общества, сдерживаемое социальной обусловленностью Super Ego.

Какова оптимальная конфигурация ценностных ориентаций и реализаций личности на уровне, совместимом с общечеловеческим достоинством? Лассуэлл сформулировал это с точки зрения демократического характера. Его точка зрения была западной, и их упор делался на уважении. Уважение породило фундаментальное признание человеком права других на доступ к ценностям. Это добровольное предоставление возможности для других может быть основано на аргументированном расчете, но чаще это основано на порядочности – нашем внутреннем моральном компасе, выраженном в привычных взглядах и поведении, которое обуздывает самость в соответствии с нашими морально предписанными обязанностями по отношению к другим и обществу.

Достоинство как субъективное благополучие

Человеческое достоинство неразрывно связано с феноменом «субъективного благополучия» [18]. Ценность благополучия Лассуэлла включает в себя как физические, так и психологические компоненты благополучия [15]. Материальные условия проявляются в еде, жилье и здоровье и обязательно привязаны к доходу. Другими словами, совокупное ощущение собственного достоинства людьми, по-видимому, сильно зависит от материального благополучия и доступа к другим ценностям, обеспечиваемым достатком. Но как только люди перестают жить в бедности, чувство собственного достоинства, начинает зависеть в основном от других ценностей, связанных с самореализацией. Эти эмпирические наблюдения интерпретировались как подтверждающие, часто оспариваемые, но,

возможно, фундаментально важные моменты, сделанные Абрахамом Маслоу о том, что люди испытывают иерархию «потребностей», которые играют роль в формировании их опыта достоинства в различных условиях. По всем этим причинам полезно различать физическое благополучие и психологическое благополучие, причем психологическое благополучие наиболее тесно отождествляется с интегративным переживанием достоинства. Уважение более тесно связано с самовоспринимаемыми правами или безусловными ценностными требованиями, которые, как мы чувствуем, мир нам должен. Честность также относится к безусловным требованиям, но в отличие от прав, ожидаемых от себя, честность проявляется частично в форме добровольных обязательств или обязанностей перед другими. Поскольку безусловные требования, исходящие от самого себя, уважение и порядочность расположены возможно, ближе, чем любые другие ценности к экзистенциальной психодинамике и механизмам, которые люди воздвигают, чтобы разрешить свои страхи и тревоги, связанные со смыслом, ответственностью, изоляцией и смертью [23]. Таким образом, когда люди понимают, что другие или они сами нарушили требования уважения или порядочности, это, вероятно, нанесет гораздо больший удар по их достоинству по сравнению с лишениями любого другого значения, за исключением серьезных физических недостатков.

Достоинство, основанное на формировании ценностей

Для тех, кто ищет универсальные истины, основанные на первых принципах культурный релятивизм неприемлем. Универсалистские концепции, по-видимому, рассматриваются как единственный авторитетный способ держать, образно говоря, деспотов в огне [19, с. 115], что вызывает вопрос: как на самом деле можно сделать мир лучшим для людей. Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно «рассмотреть проблему в терминах стоимостной деспотии, которая почти всегда связана с грубым неравенством в распределении власти и богатства на национальном и международном уровнях [9]. Без чувствительности к непредвиденным обстоятельствам реальных людей в реальных культурных контекстах, исследователь рискует столкнуться с очередным видом ценностного деспотизма.

Фрейд, основанный на ценностях, полезен для понимания субъективного опыта человеческого достоинства, разработки политики, способствующей содружеству человеческого достоинства и оценке политики и практики как до, так и после ее реализации.

Власть является особенно важной ценностью в формировании результатов достоинства. Диспозиции власти оказывают самое большое влияние на ценностное измерение динамики значимости достоинства [14, с. 124]. Власть связана с понятиями свободы, выбора и автономии, которые занимают центральное место в дискурсе прав и достоинства. Власть зависит от того, кто имеет возможность и полномочия принимать решения о том, что имеет значение. Поскольку значение мощности в конечном счете коренится в физической силе и социально санкционированном варианте применения насилия для приведения в исполнение решения. На личном уровне власть над своим физическим телом глубоко важна для человеческого достоинства. пытки представляют собой крайнее лишение человека власти над своей физической неприкосновенностью. Таким образом, власть занимает центральное место, в первую очередь по инструментальным причинам, вот почему люди с острой потребностью во власти, не сдерживаемой честностью, ориентированной на других, могут быть глубоко разрушительными для общества и человеческого достоинства [17, с. 467].

Личность явно важна для реализации индивидуального и коллективного достоинства. Имеют значение ценностные ориентации людей. Достижение соответствия между тем, чего хотят люди, и тем, что какой палитрой ценностей обеспечивает мир, является частью опыта достоинства. На личном уровне крайняя ориентация на какую-либо ценность, вероятно, приводит к хроническому недовольству и, как следствие, диссонансу и беспокойству. Это справедливо для таких ценностей, как порядочность и мастерство, так и для таких ценностей, как власть и богатство.

Разумное совпадение устремлений и возможностей определяет перспективы эмоционального здоровья и психологического благополучия. Но это все отно-

сится к непосредственному субъективному переживанию достоинства. Некоторые наборы ценностных ориентаций более совместимы, чем другие, и лучше соответствуют поддержанию достойного общества [21, с. 721–722].

Основанная на ценностях субъективная концептуализация человеческого достоинства, оформленная в содружестве, потенциально соответствует стандарту достаточности. Это понятие позволяет улавливать различные способы, которыми люди переживают достоинство в различных контекстах, как субъективное явление, но зависящее от социальных взаимодействий и опыта достоинства в содружестве с другими. Таким образом, ценностная концепция предлагает потенциально стабильный глобальный фрейм, который вызывает функциональные ценности широкого спектра, включая ценности, связанные с обязанностями и физическим благополучием. Такая концепция явно связана с правами человека, социальной психологией человека (например, с субъективным благополучием) и не западными взглядами, которые наделяют большим весом обязанности и меньшим – индивидуальные права и свободы. Представленная концептуализация потенциально дает стандарты, выходящие за рамки конкретных контекстов. Трудно представить себе какую-либо группу людей, переживающих содружество человеческого достоинства, в условиях, когда они были исключены из участия в разработке политики, имеющей отношение к достоинству, испытали повсеместную деградацию и хронически лишены элементарных предметов первой необходимости, таких как кров, еда и здравоохранение.

Заключение

Человеческое достоинство, определяемое как субъективный опыт благополучия, зависящий от коллективной суммы (меж-) индивидуальных переживаний ценностей, имеет очевидные последствия для гражданского общества и политических институтов. Институты включают не только национальные государства, но и другие авторитетные социальные группы, такие как семьи. Учитывая возможные непредвиденные обстоятельства относительно утверждения достоинства по всему спектру ценностной динамики, можно было бы судить практически о всех аспектах государственной политики: поддерживает, повышает или

унижает она человеческое достоинство. Хотя понятие достоинства, основанное на ценностях, может помочь сформулировать общие политические вопросы, самоочевидно, что только конкретные люди в реальных местах могут обеспечить приемлемые для них ответы и действия.

Список литературы

1. Кугай А.И. Права человека: от теории – к политике / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2021. – №5. – С. 32–44.
2. Кугай А.И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2015. – №2. – С. 16–26.
3. Кугай А.И. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2019. – №7. – С. 90–99.
4. Кугай А.И. Базовые человеческие ценности и ценности политические / А.И. Кугай // Актуальные вопросы саморазвития личности: психолого-педагогический аспект: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2022. – С. 157–160.
5. Ashcroft R.E. Making sense of dignity. *Journal of Medical Ethics*, 2005. N31, pp. 679–682.
6. Conroy J. *Unspeakable acts, ordinary people: The dynamics of torture*. New York: Knopf, 2000.
7. Donnelly J. The relative universality of human rights. *Human Rights Quarterly*, 2007. N29, pp. 281–306.
8. Downie J. Unilateral withholding and the withdrawal of potential life-sustaining treatment: A violation of dignity under the law. *Journal of Palliative Care*, 2004. N20, pp. 143–149.
9. Gready P. The politics of human rights. *Third World Quarterly*, 2003. N24, pp. 745–757.
10. Hairy M. Another look at dignity. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, 2004. N13, pp. 7–14.

11. Haslam N. Dehumanization: An integrative review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006. N10, pp. 252–264.
12. Kaplan A. American ethics and public policy. *Daedalus*, 1958. N87, pp. 48–77.
13. Kitayama S., & Rose Markus H. The pursuit of happiness and the realization sympathy: Cultural patterns of self, social relations, and well-being. In E. Diener & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being* (pp. 113–161). Cambridge, MA: MIT Press. 2000.
14. Lasswell H.D., & McDougal M.S. *Jurisprudence for a free society: Studies in law, science and policy. Volumes I and II.* New Haven, CT: New Haven Press. 1992.
15. Lasswell H. D., & Kaplan A. *Power and society: A framework for political inquiry.* New Haven, CT: Yale University Press. Shils, E. (1958).
16. Ideology and civility. *Sewanee Review*, 1950. N66, pp. 450–480.
17. Macklin, R. Reflections on the human dignity symposium: Is dignity a useless concept? *Journal of Palliative Care*, 2004. N20, pp. 212–216.
18. Meyer M.J. Dignity as a (modern) value. In D. Kretzmer & E. Klein (Eds.), *The concept of human dignity in human rights discourse* (pp. 195–207). New York: Kluwer Law International. 2002.
19. Oishi S. Goals as cornerstones of subjective well-being: Linking individuals and culture. In E. Diener & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being* (pp. 87–112). Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
20. Rorty R. Human rights, rationality and sentimentality. In S. Shute & S. Hurley (Eds.), *On human rights: Oxford amnesty lectures 1993* (pp. 111–134). New York: Basic Books, 1993.
21. Schultz P.W. The structure of environmental concern: Concern for self, other people, and the biosphere. *Journal of Environmental Psychology*, 2001. N21, pp. 327–339.
22. Schwartz S.H. Universalism values and the inclusiveness of our moral universe. *Journal of CrossCultural Psychology*, 2007. N38, pp. 711–728.

23. Suh E.M. Self, the hyphen between culture and subjective well-being. In E. Diener & E.M. Suh (Eds.), Culture and subjective well-being (pp. 13–36). Cambridge, MA: MIT Press. 2000.

24. Yalom I.D. Existential psychotherapy. New York: Basic Books. 1980.

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Санкт-Петербург.
